

РОССИЙСКО-ВАТИКАНСКОЕ СОГЛАСОВАНИЕ ВОПРОСОВ РУСИФИКАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ (НА ПРИМЕРЕ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Анализируется значение позиции Святого Престола в осуществлении задач национально-государственной политики Российской империи в Беларуси. Рассматривается роль римско-католического духовенства и прихожан Беларуси в ватикано-российском диалоге.

The article is devoted to the analysis of the significance of the position of the Papal Throne in the realization of the national-governmental policy of the Russian Empire in Belarus. It considers the role of the Catholic clergy and the parishioners in the Vatican-Russia's dialogue.

Русификация дополнительного римско-католического (далее – р.-к.) богослужения и проповедей являлась одной из основных тем переговоров Российской империи со Св. Престолом последней трети XIX – начала XX в., в рамках которых особое внимание уделялось практическому разрешению ситуации, сложившейся в Минской губернии. Фактография проблемы в целом отражена в историографии¹. Однако с точки зрения соответствия интересам римо-католиков Беларуси, р.-к. участия в национально-культурном белорусском движении она не была комплексно исследована. Дальнейшего же рассмотрения требуют вопросы влияния р.-к. иерархии, духовенства и прихожан на ватикано-российское урегулирование проблемы, степень совпадения их интересов, отношения сторон к возможности употребления при богослужении белорусского языка.

Для России целесообразность русификации заключалась в ее соответствии задачам обеспечения национально-государственной безопасности. После восстания 1863–1864 гг. в Польше, Литве и Беларуси эта мера представлялась эффективным способом отделения в сознании римо-католиков региона исторически сложившегося отождествления католичества и польской национальной идеи. Правомочность политического решения правительство пыталось обосновать тем, что оно отвечало религиозным нуждам подданных и каноническим правилам Р.-к. церкви, в силу которых в дополнительном богослужении и при катехизации использовался язык, понятный верующим. Однако допуск не употреблявшегося ранее языка был возможен только с согласия Св. Престола. И как позже отмечал митрополит всех р.-к. церквей в империи А.-К. Гинтовт, каноническое одобрение русского языка не вызвало бы затруднений, имея оно религиозную, а не национальную мотивацию². Россия же пыталась заменить в р.-к. дополнительном богослужении русским языком именно польский в целях осуществления своей внутренней политики, принудительной в данном случае в отношении католиков Беларуси. Согласно историческим исследованиям, русификация р.-к. церквей Минской губернии не была добровольной³, несмотря на то что указ МВД от 18.02.1870⁴ обуславливал введение русского языка инициативой и потребностями прихожан. Определение целесообразности осуществления этой меры в конкретной местности относилось к компетенции епархиального начальника и приходского духовенства, но окончательное решение по каждому храму оставалось только за МВД⁴.

Решение о введении русского языка, принятое без согласования со Св. Престолом, в основном встретило противодействие со стороны российского р.-к. духовенства. Однако в Минской губернии, р.-к. церкви которой были подчинены не утвержденному курией и, следовательно, зависимому от российского правитель-

* В рассматриваемый период представители российской иерархии Р.-к. церкви к дополнительному богослужению относили гимны «Te Deum», «Sanctus Deus» и 45 псалмов «Deus refugium». Проповеди и религиозные поучения выделялись в особый раздел под названием «Magisterium Sancrum», который и указывался как канонически обязательный для употребления языка, понятного верующим. Синовики Римской курии при урегулировании исследуемой проблемы проповедь, катехиз, вопросы при совершении крещения и брака и «другое в том же роде» относили к единой совокупности дополнительного богослужения. См.: РГИА в Санкт-Петербурге. Ф. 821. Оп. 125. Ед. хр. 278. Л. 20–20 об., 29–30 об., 46–47 об.

** Основанием для данного указа стало разрешение Александра II от 25.12.1869 г. употреблять русский язык во всех его наречиях в богослужении и делах религии всех «иноверческих» исповеданий.

тва администратору Виленской р.-к. епархии П. Жилинскому*, инициативу поддержала часть приходских священников. Такая ситуация, по нашему мнению, не свидетельствовала о намеренном игнорировании мнения Ватикана, ибо запрет Св. Престола подчиняться епископу до официального извещения о каноническом утверждении последнего не был доведен до сведения всего приходского духовенства Минской губернии⁵, а однозначно выраженная позиция р.-к. епархиальной администрации имела существенное значение в этом вопросе. Когда впоследствии р.-к. церкви Минской губернии были переданы в канонически легитимное и официально не одобрявшее русификации управление, массовым явлением стал отказ священников от назначения в русскоязычные приходы⁶. Более того, в не вакантных из них требы часто совершались на польском языке: вопреки всем мерам местной гражданской администрации, по желанию самих верующих, поддержке р.-к. епархиального начальства⁷ и Св. Престола. Конгрегация Св. римской и всеобщей инквизиции (решения которой принимались как обеспечивающие защиту католического вероисповедания от заблуждений, ересей и связанных с ними преступлений) 11.07.1877 постановила не заменять русским языком польский в дополнительном богослужении⁸. Вынесенное частное определение (т. е. обязательное лишь для обратившихся с вопросом) в данном случае касалось всего региона, поскольку рассмотрение дела мотивировалось многочисленными запросами его клира и светских римо-католиков. Последнее позволяет сделать вывод, что в ситуации канонической неправомочности епархиального руководства для значительной части р.-к. священников и верующих решающее значение имела позиция Св. Престола, а не высшей инстанции управления Р.-к. церкви в России – Римско-католической духовной коллегии, допускавшей употребление русского языка в дополнительном богослужении⁹. Однако сама целесообразность создания коллегии российским государством заключалась в ликвидации возможности влияния Римской курии на внутривластную ситуацию в империи. Этим же обособивалось и введение *placet* – запрета католикам, ее подданным, включая духовенство, на непосредственное, без предварительного разрешения государства, сообщение со Св. Престолом. Тот же факт, что гражданские власти не контролировали ситуацию (в частности, в Минской губернии для нелегального сообщения с Ватиканом нужна была всего лишь «обыкновенная» осторожность¹⁰), делает понятным значение вопроса соотношения этих контактов с влиянием епархиальной администрации.

Официально Св. Престол известил о постановлении 1877 г. только в 1897 г. Однако российская газета «Русский мир» опубликовала его уже в 1877 г., что вызвало негативную реакцию Минского губернатора, считавшего обнародование запрета фактором активизации антиправительственной направленности католиков региона¹¹. О том, насколько дезорганизация деятельности Р.-к. церкви в Минской губернии дестабилизировала обстановку в последней, говорит хотя бы тот факт, что состоявшееся 02.04.1897 г. ватикано-российское соглашение было одобрено Николаем II уже на следующий день. Суть указанной договоренности заключалась в том, что в вакантных по причине несогласия священников с введением русского языка приходах Минской губернии богослужение и совершение таинств переводились на латинский; постановление 1877 г. не отменялось¹². Инициатива подобной нормализации объяснялась Св. Престолом исключительно заботой о белорусских верующих¹³, и в этой связи, на наш взгляд, следует отметить ту составляющую возникновения проблемы, что ее усугублению до вышеуказанной кризисной ситуации объективно способствовала сама курия. Выжидательная позиция в 1869–1877 гг. облегчила введение русского языка, постановление 1877 г. обусловило последующую вакантность минских р.-к. приходов¹⁴, что, с другой стороны, принесло позитивные для Р.-к. церкви дивиденды: российские власти поняли значимость взаимодействия со Св. Престолом в деле ее «распоряжения» в Беларуси.

* В 1869 г. в результате не согласованного со Св. Престолом упразднения российским правительством Минской р.-к. епархии ее приходы оказались лишены сложившейся церковно-административной структуры. До 1880 г. они находились в ведении Виленской епархии, а в результате ватикано-российских соглашений 1880–1882 гг. были переданы апостольской администрации архиепископа Могилевского, управление которого над р.-к. церквями Минской губернии легитимировалось буллой Льва XIII от 15.03.1883 и указом Александра III от 16.04.1883.

Руководил исполнением договоренности 1897 г. епископ-суффраган Могилевский Ф.-А. Сымон. Циркулярами от 28.05.1897 и 30.06.1897 действие соглашения было распространено не только на вакантные, но и на все русифицированные приходы. В дополнительном богослужении, при обращении священника к верующим, в молитвах и песнопениях прихожан было разрешено употреблять их разговорный язык. Сымон объяснял «искажение» сути соглашения 1897 г. тем, что последнее вызвало «недоразумения» у духовенства ввиду незнания населением Минщины латинского языка¹⁵. В рапорте же одного из р.-к. священников Минской губернии ее губернатору циркуляры от 28.05.1897 и 30.06.1897 характеризовались как «препятствующие претворению» соглашения 1897 г.¹⁶ Министр внутренних дел объяснял действия Сымона стремлением сохранить польский язык и устранить возможность использовать белорусский в р.-к. приходах Минской губернии¹⁷. Однако, на наш взгляд, последнее скорее можно считать субъективной характеристикой чужих побуждений, чем обоснованным выводом. Даже если она и соответствовала намерениям Сымона, допущение им употребления разговорных языков объективно расширяло возможности р.-к. участия в белорусском национально-культурном движении. Архиепископ С.-М. Козловский отказался отменить распоряжения своего суффрагана¹⁸, но Св. Престол поддержал российское правительство и подтвердил, что соглашение 1897 г. касалось только вакантных приходов, в дополнительном богослужении которых введенный русский язык должен был заменяться исключительно латинским¹⁹. Нам важно отметить, что так же как и российская администрация, Св. Престол не возражал против использования при катехизации населения «белорусского наречия» при условии наличия одобрения местного епископа²⁰. Архиепископ Б.-И. Клоповтовский сообщил о своем согласии обязать духовенство соблюдать указанные договоренности, но с периода его правления (1901–1903) и дополнительное богослужение, и проповеди в Минской губернии «повсеместно» велись на польском языке²¹. С достаточной долей вероятности можно утверждать, что со стороны епархиальной администрации так и не было сделано соответствующего однозначного официального распоряжения, без которого (что отмечалось практически всеми представителями местной гражданской власти) ни один р.-к. священник не изменил бы порядка совершения дополнительного богослужения, несмотря на соглашение 1897 г.²²

Таким образом, в Минской губернии в начале XX в. практическое исполнение р.-к. духовенством ватикано-российских договоренностей уже действительно регулировалось епархиальной администрацией. Российское государство само мерами по соблюдению расет и законодательными нормами, направленными на автономизацию от Римской курии институтов управления Р.-к. церкви в империи, делало личную позицию ее р.-к. иерархов одним из основных факторов реализации российско-ватиканских соглашений. При этом представители р.-к. епископата России (тем более рядового духовенства) не участвовали в переговорах, а для Св. Престола неофициальные контакты с р.-к. иерархией, священниками и верующими Беларуси имели в большей мере лишь информационное значение. Он, как и российское правительство, организацию духовной жизни римо-католиков региона не рассматривал вне контекста целесообразности своей внешнеполитической деятельности. Имперский же епископат при несоответствии его интересам сути ватикано-российских соглашений пользовался вышеуказанной возможностью влиять в нужном ему направлении на их практическое осуществление.

* Есть исследования, в которых по вопросу отношения еп. Сымона к белорусскому языку дается противоположная точка зрения. См.: Смоленчук А. Попытки введения русского языка в католическое богослужение в Минской и Виленской диоцезиях 60–70-е гг. XIX в. // *Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis*. Vilnius, 2002. Т. 20. С. 140–152.

** Проблема значения обязательности употребления в религиозной практике белорусского языка для представителей р.-к. клерикального течения «белорусского возрождения», отношения к подобной перспективе р.-к. иерархии является, на наш взгляд, объектом отдельного исследования.

*** В частности, именно в этой связи Римская курия в конце XIX – начале XX в. предложила России содействие в проведении имперской национально-государственной политики в «Западном крае». См.: Ях и м о в и ч З. П. Россия и Ватикан: проблемы дипломатических взаимоотношений в конце XIX – начале XX века (по материалам АВПРИ) // *Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX века* / Под ред. Е.С. Токаревой, А.В. Юдина. М.: СПб., 2003. С. 74–75.

Папским декретом в 1907 г. русский язык был признан церковным для Р.-к. церкви в России²³. Еще раньше в 1906 г. Св. Престол разрешил при катехизации, проповедовании, в молитвах и религиозных гимнах верующих использовать язык большинства прихожан и предписывал епископам предоставлять меньшинству прихожан возможность употреблять «свой» язык²⁴. Данные решения Ватикана позволяли как сохранять, так и вводить любой язык, и их практическое осуществление показало значительную обусловленность действий представителей р.-к. духовенства относительно Беларуси их собственной этнокультурной принадлежностью. Такое положение, на наш взгляд, являлось следствием существовавшей в империи политизации церкви в духе отождествления интересов конкретной конфессии с интересами государственности конкретной нации. Деполонизации Р.-к. церкви способствовала бы не административная русификация, а первоначальное устранение вышеуказанного характера политизации религиозной жизни региона. Однако стремление подчинить выбор языка богослужения и катехизации приоритетам российской национальной политики только поддерживало указанную тенденцию. Принципиальной же ошибкой, по нашему мнению, являлось и длительное отсутствие взаимодействия в этом вопросе российского правительства с Римской курией, поскольку отождествление польской национальной идеи с Римским католицизмом сущностно противоречило принципу институционализации Р.-к. церкви (централизации Папской власти). В этом смысле «располячение» Р.-к. церкви в Беларуси соответствовало интересам не только Российской империи, но и Св. Престола, активно противостоявшего в рассматриваемый период идее национально-государственной церковности.

¹ См., например: Владимирова А. П. История располячения западно-русского костела. М., 1896; Pzybyszewski. J. Język rosyjski w katolickim rytuale i dodatkowym nabożeństwie. Lwów, 1897; К вопросу об обрусении католицизма в Западном крае. Краков, 1898; Чихачев Д. Н. Вопрос о располячении костела в прошлом и настоящем. СПб., 1913; Boudou A. Stolica Święta a Rosja. Stosunki dyplomatyczne między niemi w XIX stuleciu: В 2 т. Kraków, 1928–1930. Т. 2; Stankiewicz Ad. Rodnaja mowa w świątyniach. Wilnia, 1929; Kubicki P. O języku rosyjskim w nabożeństwie dodatkowym w kościołach rz.-kat. na obszarach b. Wielkiego Księstwa Litewskiego po roku 1863. Sandomierz, 1936; Смоленчук А. Попытки введения русского языка в католическое богослужение в Минской и Виленской диоцезиях 60–70-е гг. XIX в. // Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis. Vilnius, 2002. Т. 20.

² См.: Чихачев Д. Н. Вопрос о располячении костела в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 90.

³ См.: Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / В.В. Грыгор'ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава. Мн., 1998. С. 89; Nagrodzki Z. Rola duchowieństwa katolickiego w godzinie prób i cierpień na terenie Litwy i Białejrusi. (1863–1883). Wilno, 1935.

⁴ См.: К вопросу об обрусении католицизма в Западном крае. Краков, 1898. С. 1–2.

⁵ См.: НИАБ. Ф. 1781. Оп. 32. Ед. хр. 212. Л. 96.

⁶ См.: РГИА в Санкт-Петербурге (далее – РГИА в СПб.). Ф. 821. Оп. 138. Ед. хр. 24. Л. 170, 178–178 об.

⁷ См.: НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 1671. Л. 184–184 об.

⁸ См.: РГИА в СПб. Ф. 821. Оп. 125. Ед. хр. 278. Л. 28–30; Ед. хр. 289. Л. 15–15 об.

⁹ См.: НИАБ. Ф. 1781. Оп. 32. Ед. хр. 212. Л. 96.

¹⁰ См.: РГИА в СПб. Ф. 821. Оп. 125. Ед. хр. 289. Л. 5.

¹¹ См.: Там же. Л. 5 об.

¹² См.: Там же. Ед. хр. 278. Л. 1, 126–126 об.; Оп. 138. Ед. хр. 24. Л. 161–162; К вопросу об обрусении католицизма в Западном крае. Краков, 1898. С. 20–21.

¹³ См.: Там же. Оп. 125. Ед. хр. 278. Л. 1.

¹⁴ См.: Там же. Оп. 125. Ед. хр. 21. Л. 1; Оп. 138. Ед. хр. 24. Л. 170, 178–178 об.

¹⁵ См.: Там же. Оп. 138. Ед. хр. 24. Л. 14; НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 1671. Л. 184–184 об.; Ф. 1781. Оп. 32. Ед. хр. 212. Л. 95–99.

¹⁶ См.: РГИА в СПб. Ф. 821. Оп. 138. Ед. хр. 24. Л. 11–13.

¹⁷ См.: Там же. Л. 79 об. – 80.

¹⁸ См.: Там же. Л. 167 об.

¹⁹ См.: Там же. Л. 167–169.

²⁰ См.: Там же. Оп. 125. Ед. хр. 278. Л. 1.

²¹ См.: Там же. Л. 20–21 об.

²² См.: НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 1671. Л. 271–284 об.

²³ См.: Винтер Э. Папство и царизм. М., 1964. С. 456.

²⁴ См.: РГИА в СПб. Ф. 821. Оп. 125. Ед. хр. 278. Л. 46–47 об.